ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ

НОЧНОЙ РАЗГОВОРЪ

ГЕЛЬСИНГФОРСЪ
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „БИБЛІОНЪ“

PV
6772
Ноч

Copyright 1921 by
A.B. Biblion O.Y.

ГЕЛЬСИНГФОРСЪ 1921 г.
ТИПОГРАФІЯ ХОЛГЕРА ШИЛЬДТА

I

Это былъ день, полный ярости.

Двое сутокъ германскія войска, двигаясь къ Парижу, безуспѣшно штурмовали бельгійскій городокъ Н., защищаемый смѣшанными корпусами англичанъ, бельгійцевъ и французовъ. Массы блѣдныхъ людей въ остроконечныхъ кошмарныхъ каскахъ шли въ атаку и гибли на полпути; ихъ смѣняли новыя массы такихъ же блѣдныхъ людей и остроконечныхъ касокъ и также гибли: чаще дождевыхъ капель, чаще градинъ былъ пулеметный и орудійный градъ, и легче было не промокнуть въ проливной дождь, нежели избѣгнуть пули и осколка. И случалось, что уже убитый, падая, на своемъ коротком пути къ землѣ бывалъ поражаемъ еще

нѣсколькими пулями; ими былъ насыщенъ воздухъ, онѣ неслись бѣшено и хищно, словно и имъ передавалась ярость руки, спускавшей курокъ. Но запасъ остроконечныхъ касокъ казался неистощимымъ, и все росла ихъ лавина. Поглощая тѣлами пули, впитывая смерть изъ воздуха и напитываясь ею, какъ губки, они разрѣжали частоту огня и создавали пустоты, по которымъ текли новыя массы блѣдныхъ людей; и такъ продолжалось двое сутокъ — днемъ при сіяніи солнца, ночью при голубомъ свѣтѣ прожекторовъ, при которомъ лица живыхъ и мертвыхъ казались одинаковыми, а отъ груды труповъ ложились черныя неподвижныя тѣни.

Двое сутокъ Вильгельмъ II почти ничего не ѣлъ, плохо спалъ и въ бинокль, судорожно дергая лицомъ, наблюдалъ за боемъ. Когда городокъ былъ взятъ и защитники его частью истреблены, частью взяты въ плѣнъ, онъ со свитою въѣхалъ на его улицы

и остановился въ Грандъ-отелѣ; тамъ онъ весь день принималъ поздравленія, раздавалъ награды и шутилъ съ генералами. Городокъ еще дышалъ испареніями крови, и всюду пахло кислымъ отъ неосѣвшаго мелинитнаго дыма; часть города еще горѣла, и въ сумерки окна Грандъ-отеля засвѣтились съ улицы краснымъ; потомъ задернули тяжелыя драпри и зажгли свѣчи, но и мелинитомъ и кровью пахло попрежнему, и голубой ядъ гари носился подъ высокимъ потолкомъ и — словно только что здѣсь засѣдало огромное собраніе людей, и всѣ они курили какія-то вонючія, кислыя сигары.

По приказу Вильгельма, днемъ были разстрѣляны заложники, двѣнадцать человѣкъ именитыхъ гражданъ. Они были взяты еще утромъ, какъ только германцы вступили въ городокъ, но днемъ кто-то выстрѣлилъ въ прусскаго солдата-мародера, грабившаго домъ, и заложники были разстрѣляны. Въ виду того, что выстрѣлъ былъ только одинъ

и выстрѣлившаго тотчасъ же убили, и что солдатъ былъ мародеръ, въ штабѣ рѣшились спросить самого Вильгельма, но онъ рѣшительно отвѣтилъ:

— Кровь самаго плохого прусскаго солдата стоитъ крови всей Бельгіи. Объясните имъ это, чтобы поняли, и разстрѣляйте.

Такъ и сдѣлали.

Къ ночи занятый городокъ стихъ, и у пожара не осталось никого: одинъ, въ тишинѣ и безлюдіи, трещалъ и морщился огонь, стихая. Всѣ, кого служба не призывала къ бодрствованію, спали сномъ безграничной усталости, душевнаго утомленія; и казалось, легче было разбудить мертваго на полѣ, чѣмъ такого спящаго. Немногіе во снѣ бредили пережитымъ, но голоса ихъ были глухи и мертвы, какъ голоса тѣней съ того свѣта: въ головѣ еще шло сраженіе, а вокругъ головы витала тишина.

Какъ музыкальные ящики, спрятанные подъ подушку, были полны внутри себя

голосовъ, крика и стоновъ временные лазареты съ ранеными, но наружу приносилось мало: все оставалось за каменными стѣнами, и тому, кто выходилъ изъ лазарета на улицу, казалось, что онъ сразу погружался въ тишину, словно въ воду, а кто снаружи входилъ въ освѣщенныя комнаты, тому чудилось, что онъ попалъ въ какой-то болевой центръ, гдѣ у тысячи людей болятъ зубы, болятъ нервы, болитъ разорванная кожа и раздробленныя кости.

Особая тишина была вокругъ Грандъ-отеля: императоръ давно уже страдалъ безсонницей, и принимались всѣ мѣры, чтобы охранить его покой: караулы смѣнялись безъ обычнаго топота, обозы грохотали по самымъ дальнимъ улицамъ, и ни одинъ звукъ не возрождался безъ строгой необходимости. Вдали, гдѣ германскія войска еще преслѣдовали отступавшихъ союзниковъ, округло и слитно гудѣли выстрѣлы большихъ орудій: точно нѣсколько великановъ, присѣвъ на корточки

и надувъ щеки, равномѣрно пухали другъ на друга — безъ гнѣва и особенной страсти, скорѣе мирно и глуповато. У спящихъ счастливцевъ, которыхъ жизнь настойчиво извлекала изъ образовъ смерти, этотъ далекій гулъ преображался въ свѣтлые сны о лѣтней грозѣ и пахучемъ клеверѣ на розовыхъ поляхъ; другіе его просто не слышали, какъ мельникъ не слышитъ мельницы. Не слышалъ стрѣльбы и императоръ, но иногда слухъ какъ бы просыпался, гулъ становился явственнымъ и четкимъ — но и это не раздражало, а скорѣе успокаивало Вильгельма: такъ среди ночи и тишины ночной пріятна колотушка ночного сторожа, бодрствующаго надъ спящими.

Но не отъ шума не спалось императору. Онъ даже лучше спалъ при шумѣ, и онъ много разъ говорилъ, даже приказывалъ, чтобы шумѣли, но ему не вѣрили, оттого что не могли понять; и стоило разнестись по его временному дворцу извѣстію, что

императоръ удалился въ спальню, чтобы тотчасъ же голоса сами собой понижались и усиливалась безмолвная жестикуляція. Такъ было и теперь: онъ только что вошелъ въ спальню, онъ еще ждалъ безсонницы, а все кругомъ стихло, точно онѣмѣло, и окружило его безмолвіемъ саркофага. Вошелъ старикъ камердинеръ и разсердилъ Вильгельма, заговоривъ шопотомъ.

— Ты что же думаешь, глупецъ? что я хожу и сплю? Убирайся.

Камердинеръ выскочилъ, но и въ другой комнатѣ продолжалъ говорить шопотомъ, не понявъ, въ чемъ причина гнѣва императора. А Вильгельмъ продолжалъ ходить, хотя уже болѣли и поясница и ноги отъ длительнаго дня усталости; но какъ Вѣчный Жидъ, онъ не могъ остановиться и долженъ былъ все итти — отъ одной стѣны до другой. И мыслей онъ не могъ остановить: онѣ также двигались безъ дороги и бились о стѣны; и было во всемъ тѣлѣ разлито какое-

то смутное, острое, но завѣдомо невыполнимое желаніе — уже потому невыполнимое, что оно было неизвѣстно. Это и есть начало безсонницы. Потомъ ходъ мыслей отъ стѣны до стѣны превратится въ сумасшедшій бѣгъ, въ танецъ вѣдьмъ на Брокенѣ, а невыполнимое желаніе схватитъ за горло и начнетъ душитъ до крика; станетъ невыносимо.

Тревожило еще выпитое за позднимъ обѣдомъ шампанское, заставляя смѣяться одну половину души, въ то время какъ другая безсильно гнѣвалась на самое себя и требовала покоя; раздражали неуловимыя испаренія крови, хотѣлось говорить, хотѣлось приказывать, хотѣлось безъ конца продолжать безконечный день. А они спятъ! И если разбудить кого-нибудь и заставить слушать, онъ будетъ слушать, но лицо его будетъ сонно и неумно, и отвѣты будутъ невозможны до глупости. »Онъ хочетъ спать»!

Но еще не сошла съ лица императора

брезгливая гримаса, съ какою онъ подумалъ о хотящихъ спать, какъ другое чувство тепломъ и нѣжностью охватило его душу: будто кто-то перевернулъ непріятное представленіе о спящихъ и далъ ему новый трогательный смыслъ. Сжатая въ одинъ лучъ мелькнула передъ глазами пестрая картина двухдневныхъ утомительныхъ боевъ, тяжкой работы во славу императора и Германіи — какъ они работали, какъ они устали, какъ они хотятъ спать и какъ славно спится ихъ измученнымъ тѣламъ! »Бравые солдаты!» — далъ короткую реляцію Вильгельмъ, и грудь его расширилась и поднялась отъ наплыва силы и необыкновеннаго счастья. Бравые солдаты!

Счастье становилось все острѣе, росло, словно облако, и отрывало отъ земли — и вдругъ на глазахъ Вильгельма блеснули умиленныя слезы отъ мгновеннаго и яркаго представленія о какомъ-то необыкновенномъ величіи, отъ державно- свѣтлаго образа,

въ которомъ слились черты всѣхъ владыкъ міра, всѣ троны, всѣ земли и моря; всѣ таинственно-чарующія имена древнихъ властителей. Словно свѣтящаяся лѣстница Іакова, на вершинѣ которой, на самой ея послѣдней тающей ступени находится онъ, императоръ германскій и всего міра.

— Текстъ, текстъ — радостно думалъ Вильгельмъ, раскрывая походную библію — надо найти текстъ, надо прочесть проповѣдь, надо; надо . . .

Но въ текстѣ оказалось не то, что надо, и сразу стало тяжело почти до отчаянія, до смертельнаго холода и тоски. Потомъ снова счастье. Потомъ опять отчаяніе и тоска. Это начиналась безсонница съ ея судорогами и отвращеніемъ къ жизни. А онъ еще не раздѣвался — что же будетъ, когда онъ ляжетъ? Тоска! Тоска!

И тогда ему пришла счастливая мысль: среди плѣнныхъ, захваченныхъ сегодня, вѣроятно есть кто-нибудь съ головой, съ

кѣмъ можно говорить и даже спорить. Это великолѣпно: спорить! Онъ позволитъ плѣнному выражать свои мысли, а потомъ заговоритъ самъ и очаруетъ его, непривычнаго къ разговору съ царями. Даже отпуститъ его: пусть пойдетъ къ своимъ и всему міру разскажетъ; что думаетъ императоръ Вильгельмъ; такой великій и страшный и такой простой.

Но непремѣнно съ головой!

II

Это былъ русскій революціонеръ, эмигрантъ, уже много лѣтъ жившій въ Бельгіи и занимавшій кафедру въ Брюссельскомъ университетѣ. Онъ былъ не первой молодости, но пошелъ добровольцемъ въ бельгійскую маленькую армію, участвовалъ уже въ нѣсколькихъ бояхъ и отличился; въ плѣнъ онъ былъ взятъ въ штыковомъ бою и по счастливой случайности, всегда спасавшей его, не получилъ ни одной раны. Онъ также не спалъ, когда его очень вѣжливо пригласили во дворецъ, какимъ сталъ Грандъ-отель; если не знать, что онъ русскій, то его легко можно было принять за бельгійца или сѣвернаго француза; и если знать — то и его небольшая свѣтлая бородка и сѣрые глаза,

утомленные чтеніемъ, казались чѣмъ-то до чрезвычайности русскимъ, ни на что другое непохожимъ. Но въ списки плѣнныхъ онъ еще не попалъ; даже свои считали его бельгійцемъ, и такимъ онъ и былъ приведенъ къ Вильгельму. Было приказано, впрочемъ, не приводить только англичанъ.

Плѣнный поклонился, Вильгельмъ также. Вильгельмъ смотрѣлъ прямо и пристально по привычкѣ, плѣнный также — и отъ огромнаго интереса, который возбуждалъ въ немъ императоръ, и также по привычкѣ. Онъ былъ безъ оружія и тщательно обысканъ, прежде чѣмъ войти къ императору, и все это зналъ Вильгельмъ, приказавъ оставить ихъ вдвоемъ.

— Вы устали? Садитесь — приказалъ Вильгельмъ. Плѣнный сѣлъ.

— Хотите курить? — спросилъ Вильгельмъ, улыбнувшись.

— Хочу — отвѣтилъ, также улыбнувшись, плѣнный и все также прямо смотрѣлъ на

желтое, дергающееся лицо Вильгельма. Послѣдній, по нѣмецкому обыкновенію, рукой передалъ ему сигару: обрѣзана, курите. Самъ же отпилъ изъ бокала шампанскаго и сѣлъ, рѣзко отвернувъ полу сюртука.

»Ужъ не пьянъ ли онъ?» — подумалъ плѣнный съ недоумѣніемъ.

Вильгельмъ спросилъ:

— Бельгіецъ?

— Я занимаю кафедру въ брюссельскомъ университетѣ. Профессоръ, докторъ правъ.

— А! Очень пріятно, г. профессоръ. Ландштурмъ?

— Нѣтъ, волонтеръ.

Вильгельмъ усмѣхнулся:

— А! Это интересно. Значитъ, противъ меня?

— Да, и противъ васъ.

»Онъ не титулуетъ меня, но голова! — это видно». И, подумавъ, спросилъ:

— А какъ себя чувствуетъ король Альбертъ?

— Я не знаю, какъ чувствуетъ себя король Альбертъ. Вѣроятно плохо.

Онъ отвѣчалъ просто и спокойно, и отъ этого спокойствія словъ и голоса вдругъ замѣтно стало, что и рука его, которой онъ держалъ сигару, и лицо и грязная нога въ разорванномъ сапогѣ, закинутая на другую ногу — все это дрожитъ маленькой и непрерывной дрожью, и что-то въ немъ подергивается, соскакиваетъ, неуловимо рябитъ. Это напоминало самого Вильгельма и было непріятно.

— Вы ранены? — спросилъ онъ рѣзко, съ неудовольствіемъ.

— Нѣтъ. Я усталъ и, конечно, не совсѣмъ въ порядкѣ.

— Спать не можете?

— Нѣтъ. Минутами хочется, потомъ проходитъ. Я позволю себѣ спросить: это по вашему приказанію разстрѣляны заложники? Такъ намъ сказали. Насъ заставили присутствовать, я видѣлъ.

— Да, это приказалъ я. Кровь самаго плохого прусскаго солдата стоитъ крови всей Бельгіи — повторилъ Вильгельмъ и, подумавъ, добавилъ: для меня, конечно. А въ Бельгіи, вѣроятно, думаютъ наоборотъ?

— Нѣтъ, тамъ этого не думаютъ.

— Пустое; думаютъ, но не смѣютъ сказать. Пустое! Я ихъ знаю. И ихъ маленькаго короля знаю. Мнѣ его не жаль: это глупый героизмъ недостойный коммерческихъ способностей бельгійцевъ. Вы не думаете, профессоръ, что бываетъ и глупый героизмъ?

— Я не знаю, что . . .

— Вы любите Нансена? Я его обожаю: вотъ человѣкъ! Англичане и норвежцы его не оцѣнили. Я обожаю его книгу. Отправиться на полюсъ, къ черту можетъ всякій дуракъ, но онъ готовился, о, какъ онъ готовился! Я также. У меня у одного армія, а у васъ волонтеры и сбродъ, и оттого я васъ бью и буду бить. Я бью и буду бить!

И снова чувство необыкновеннаго счастья

охватило императора: онъ улыбнулся и приготовился что-то ласковое сказать несчастному плѣннику, который такъ измученъ и приниженъ, но увидѣлъ въ его дрожащей рукѣ сигару и испуганно вскрикнулъ:

— Эй! Вы сроните пепелъ! Осторожнѣе.

Плѣнный вздрогнулъ отъ крика и слегка нахмурился, покраснѣвъ. Ему вспомнились заложники и то, какъ одинъ изъ нихъ плакалъ и умолялъ, чтобы не убивать, — такъ какой-то, видимо, ничего не понимавшій ни въ войнѣ, ни въ героизмѣ.

— А зачѣмъ это надо: бить? — спросилъ плѣнный и покраснѣлъ еще больше.

— Какъ зачѣмъ? — удивился и не понялъ императоръ. — Я не понимаю, выражайтесь яснѣе, г. профессоръ!

— Зачѣмъ это надо: бить? — настаивалъ плѣнный съ нѣкоторой рѣзкостью.

Вильгельмъ понялъ и презрительно взглянулъ — поверхъ глазъ и головы.

— Ахъ, вы — пацифистъ! Глупо. Поэтому вы и въ плѣнъ сдались?

Но плѣнный не обратилъ вниманія на оскорбительный смыслъ послѣднихъ словъ, которыя едвали и слышалъ. Его также почему-то охватило чувство необыкновеннаго счастья, какъ во снѣ, и онъ потянулся. Потомъ тихо засмѣялся, глядя прямо на Вильгельма утомленными и ласковыми глазами.

— Что съ вами? Вы забываетесь.

— А развѣ это не сонъ?

— Нѣтъ. Глупо! Это не сонъ.

— А мнѣ на мгновеніе показалось, что это сонъ, и я хотѣлъ говорить, какъ во снѣ. Я вѣдь не бельгіецъ.

— Что такое?

— Я — русскій, эмигрантъ. Политическій. Въ 1906 году я приговоренъ къ смертной казни, но мнѣ удалось спастись. Съ тѣхъ поръ я въ Бельгіи, и вотъ теперь . . . съ вами. Я — русскій.

— Это другое дѣло — холодно сказалъ

Вильгельмъ. Произошла ошибка, и вы можете итти, господинъ . . .

— Профессоръ. Но почему вы не хотите говорить со мной? Вамъ вѣдь хочется говорить — мнѣ также.

— Потому что вы тотчасъ же станете играть маркиза Позу, а Поза слишкомъ нѣмецкая выдумка, чтобы я этому вѣрилъ.

— »Made in Germany«?

— Для вывоза, но не собственнаго употребленія. Революціонеръ, эмигрантъ, русскій! Что это за чепуха? Милостивый государь, мнѣ нуженъ человѣкъ порядка, мнѣ нужна старая добрая латинская кровь, съ которой споритъ моя германская, мнѣ нуженъ человѣкъ этой старой дурацкой культуры, а не русскій полудикарь. Съ вами я не спорю, какъ и съ турками. Что такое русскіе? Ихъ я бью . . . задомъ!

Императоръ громко засмѣялся отъ удачно сказаннаго слова и повторилъ, подчеркивая слова рѣзкимъ жестомъ:

— Я ихъ бью задомъ!

Но еще свѣтились его сѣрые глаза насмѣшливой улыбкой, какъ въ душу вошли отвращеніе, холодъ и тоска, чувство огромной ненужности всего: и войны, и мира, и смерти, и жизни. Онъ всталъ, ощущая острую боль въ поясницѣ, и заходилъ по кабинету. Это усталость и безсонница. Онѣ требовательны, эти усталость и безсонница, онѣ хотятъ своего, и ихъ возмущаетъ каждое рѣшительное слово, смѣлая и яркая мысль; своимъ ядомъ онѣ отравляютъ волю и зовутъ ко сну, къ смерти, къ покою. Но онъ не подчинится ихъ власти. Завтра онъ поѣдетъ на позиціи, выспится, отдохнетъ, и все станетъ снова хорошо и грандіозно . . .

И снова заволновалось въ немъ подымающее веселье, шаги стали быстрѣе и тверже, звонъ шпоръ отчетливѣе и яснѣе; и съ удовольствіемъ кивнувъ головой, онъ услыхалъ фразу русскаго:

— Я — докторъ правъ, бельгійскій профес-

соръ — говорите со мной, какъ съ бельгійцемъ или ученымъ. И я женатъ на бельгійкѣ.

— Это хорошо — одобрилъ императоръ. — А вы говорите со мной, какъ во снѣ. Хорошо? Вы хотите быть откровеннымъ? — говорите откровенно: здѣсь нѣтъ этикета — война. Война! Вотъ вы, русскіе революціонеры, пацифисты, доктора правъ и прочее, кричите противъ войны, а что, кромѣ войны, могло бы дать вамъ возможность такого разговора? Вы подумайте, профессоръ, какъ это необыкновенно, какъ это счастливо: ночью, вдвоемъ, революціонеръ — и германскій императоръ! Пусть это будетъ сонъ, — но не рутина, понимаете? Къ черту рутину! Гдѣ ваша кафедра? Гдѣ мой тронъ? Вы видите: эта смѣшная, старая бельгійская гостиница, гдѣ останавливаются купцы — мой дворецъ. Развѣ это не чудесно!

— У васъ безсонница?

— О моихъ болѣзняхъ я говорю съ моимъ лейбъ-медикомъ. Оставьте рутину, г. про-

фессоръ! Или вамъ жаль вашей деревянной кафедры, дешеваго возвышенія съ двумя ступенями отъ полу? Или вамъ жаль вашихъ безусыхъ учениковъ съ ихъ тетрадками? Сегодня я вашъ слушатель. Учите императора, пропагандируйте, ведите себя ... свободно!

Императоръ засмѣялся и сѣлъ, закинувъ ногу на ногу. Выпилъ шампанскаго и бокаломъ указалъ въ направленіи окна.

— Вы слышите? Это мои орудія. Ваши бѣгутъ, и мои войска преслѣдуютъ ихъ. Завтра мы кое-что услышимъ новое. Сегодня вашъ первый бой?

— Нѣтъ. Не знаю, который. Мы все время въ бою.

— Ого! Да, впрочемъ, васъ мало. Имѣете знаки отличія?

— Да. Два.

— Браво! Враво! Я уважаю храбрыхъ, кто бы они ни были. Но этотъ глупый героизмъ ... нѣтъ, его я не уважаю. Или

у васъ не знали, что я непремѣнно — онъ подчеркнулъ это слово — неизбѣжно раздавлю Бельгію. Пусть мнѣ не удастся съѣсть яйца, какъ доказываютъ ваши фантазеры, но скорлупа должна быть разбита! Не такъ ли?

— А вы слышите запахъ крови?

— Что это: иронія? Начало лекціи?

— Нѣтъ, простой вопросъ. Я все время слышу запахъ крови — очень особенный и очень ясный. Я слышу его и во снѣ, этимъ запахомъ окрашена моя пища. Если я останусь живъ, то мнѣ кажется, всю жизнь я буду слышать его: запахъ свѣжей крови и разлагающагося трупа. Когда-то я занимался медициной, анатоміей, и для меня этотъ страшный запахъ трупа не новъ — но здѣсь слишкомъ много труповъ, ихъ зловоніемъ зараженъ воздухъ на десятки километровъ, цѣлыя страны превратились въ мертвецкія, въ студенческія препаровочныя, анатомическія, гдѣ свѣжаго человѣка тошнитъ. Васъ, конечно, не тошнитъ, вы при-

выкли, да и я . . . . но я о другомъ. Вы, вѣроятно, замѣчали, что въ запахѣ человѣческаго разлагающагося трупа есть что-то... почти святотатственное? Животное — другое дѣло: оно только противно воняетъ и достаточно зажать носъ, чтобы успокоиться. Но трупъ человѣка, когда онъ залежится? Здѣсь страшно то, что родное и близкое можетъ такъ ужасно пахнуть. Не правда ли?

Вильгельмъ улыбнулся:

— Вмѣсто лекціи о правахъ, — лекція о запахахъ?

— Вы смѣетесь? Вотъ объ этомъ я хочу спросить — объ этомъ вашемъ смѣхѣ. Мы, обыкновенные люди, не любимъ и боимся запаха свѣжей крови и запаха трупа. Но вы, императоръ? Какъ онъ дѣйствуетъ на васъ? Слышите ли вы его, и чѣмъ онъ кажется вамъ? Вотъ сейчасъ — плѣнный вдохнулъ воздухъ и поморщился — вы слышите, какъ здѣсь пахнетъ или нѣтъ? Вѣдь очень плохо!

— Да, воздухъ испорченъ — согласился императоръ и также поморщился. — И нельзя открывать окна: оттуда пахнетъ еще хуже. Но вы спрашиваете, какъ отношусь я? Я стою выше этого запаха, понимаете? Выше! Почему запахъ трупа непривыченъ, и слабонервнымъ людямъ внушаетъ страхъ и суевѣрныя мысли? Потому только, что трупы принято хоронить, т. е., все зависитъ отъ пустяковъ, обычая, извѣстныхъ навыковъ. Вы представляете, дорогой профессоръ, какой коллоссальный запахъ поднялся бы отъ всѣхъ милліардовъ умершихъ на землѣ, какая ужасающая вонь, какой смрадъ, если бы ихъ не прятали такъ быстро въ землю? Ихъ прячутъ, и только отъ этого они не воняютъ.

— Столько труповъ вокругъ насъ. Ночь — и они лежатъ. Я какъ будто ихъ вижу — задумчиво сказалъ русскій.

— А я ихъ не вижу и ихъ завтра похоронятъ. Вы слыхали о моихъ моторныхъ плугахъ, роющихъ могилы? Глупцы смѣются

надъ ними и ужасаются; имъ нуженъ традиціонный шекспировскій могильщикъ, который непремѣнно руками рылъ бы яму — и болталъ глупости въ это время, бездѣльникъ! Все это дешевый романтизмъ, сентиментальность старой глупой Европы, блудливой ханжи, выжившей изъ ума отъ старости и распутства. Я положу ей конецъ. Почему жечь трупы, обливая керосиномъ, какъ дѣлаютъ ваши друзья французы, нравственнѣе и красивѣе, нежели класть ихъ въ чистую и глубокую колею, какъ зерна? Или вы такъ наивны, профессоръ, что еще захотите спросить меня о жалости: жалѣю ли я? Сознавайтесь!

— Да, хочу. Сегодня одинъ изъ заложниковъ, старикъ, плакалъ . . .

— Плакалъ?

— Да, плакалъ и умолялъ, чтобы его не убивали. Такъ, какой-то старикъ. Онъ ничего не понималъ . . . вѣроятно, онъ никогда и не думалъ ни о какой войнѣ. Мнѣ было его жаль.

— Пфуй! Стыдитесь, профессоръ! Но его все-таки разстрѣляли, надѣюсь?

— Да.

— Бравые солдаты! Молчите, я знаю вашу мысль: да, конечно, конечно, онъ былъ невиновенъ. Какъ можетъ быть виновенъ какой-то ничтожный старикашка, никогда не думавшій о войнѣ, въ томъ, что кто-то другой, какой-то молодецъ съ темпераментомъ выстрѣлилъ въ моего солдата? Но развѣ были виновны мученики при Траянѣ, и развѣ виновны въ вашемъ смыслѣ мои солдаты, въ которыхъ вы сегодня стрѣляли? Почему же вы не плачете надъ мучениками? Плачьте!

Голосъ Вильгельма сталъ рѣзкимъ и раздраженнымъ.

— Всѣ гуманисты кричатъ мнѣ о жалости. Жалость! Жалость! Это глупо, профессоръ, глупо! Почему я долженъ жалѣть того, кто сталъ трупомъ сегодня, а того, кто сталъ трупомъ триста лѣтъ назадъ, жалѣть не долженъ? Какая между ними разница? Чертъ

возьми — за пять тысячъ лѣтъ ихъ столько мучилось, бѣгало, голодало, теряло дѣтей, умирало, казнилось, убивалось на войнѣ, сжигалось на кострахъ, что если ихъ всѣхъ жалѣть... а какая разница? Разницы нѣтъ! Но вы — русскій, впрочемъ; вы этого не понимаете. Русскіе лишены сознанія; они живутъ эмоціями, какъ женщины и дѣти, у нихъ много глазъ, но ни одного ума. Ихъ слезы дешевы и случайны. Они плачутъ надъ собакой, которую на ихъ глазахъ задавилъ таксомоторъ, и спокойно курятъ при разговорѣ о смерти Христа! Вы не еврей?

— Нѣтъ.

— Поздравляю. Но что вы скажете о еврейскихъ погромахъ въ Россіи? Гвоздь въ голову, напримѣръ, — а?

Плѣнный глубоко и серьезно взглянулъ въ самые зрачки сѣрыхъ холодныхъ глазъ и молча опустилъ голову.

III

Плѣнный молчалъ, смотря на потухшую сигару, попробовалъ пальцемъ ея холодный конецъ. Канонада либо удалилась, либо смолкла, и въ комнатѣ было тихо, и какъ будто меньше пахло дымомъ и гарью. Вильгельмъ сурово смотрѣлъ на его голову: въ ней чудилось ему какое-то упрямство, котораго онъ еще не побѣдилъ; и разорванные, грязные сапоги были неприличны, какъ у нищаго. Русскій!

— Возьмите новую. Вотъ сигары и спички. Курите, а то заснете. Хотите одинъ бокалъ вина?

— Нѣтъ.

— Да, лучше не надо, — опьянѣете. Вы слыхали, что у васъ въ Россіи запрещено вино?

Какіе слабохарактерные люди! Они похожи на пьяницу, который далъ зарокъ и боится даже уксуса; они могутъ не пьянствовать только тогда, когда на вино повѣсятъ замокъ. Но кончится война, которая ихъ испугала, и они снова будутъ умирать отъ спирта, какъ эскимосы. Вамъ не слѣдуетъ пить.

Онъ съ усмѣшкой отхлебнулъ изъ бокала. Русскій молчалъ и это нѣсколько раздражало. Вильгельмъ снова усмѣхнулся и со стукомъ поставилъ бокалъ, такъ что плѣнный вздрогнулъ и посмотрѣлъ.

— За это вино я не заплатилъ и не заплачу ни пфенига. Вамъ это также не нравится, г. профессоръ? Но это хорошо, что вы молчите. И хорошо, что вы о Христѣ не отвѣтили. Что вы можете отвѣтить? Что можетъ отвѣтить вся Европа? Я читаю ежедневно англійскія и французскія газеты и это смѣшно — вы понимаете! — смѣшно до коликъ въ желудкѣ. Вашихъ газетъ я не

читаю, но, вѣроятно, то же, да? И, вѣроятно, также рисуютъ мои усы, да? И также разсуждаютъ о гуманности и Красномъ Крестѣ и зовутъ меня пиратомъ и разбойникомъ, а сами воруютъ на дровахъ, на хлѣбѣ и бумагѣ, на которой пишутъ? О, да, конечно, также. Скажите: у васъ въ Россіи есть дома терпимости? Есть! А они еще не закрыты? О, нѣтъ, конечно, — это естественная потребность; вѣроятно, и Ной въ ковчегѣ занимался тѣмъ же, говорятъ они, а это былъ потопъ! Вамъ не кажется, г. профессоръ, что теперешняя Европа есть необыкновенное, небывалое собраніе мошенниковъ?

— Отчасти кажется, да. Мошенниковъ много. Но вы включаете и Германію?

— Нѣтъ: мы — разбойники и пираты. Вотъ вы говорили о запахѣ труповъ, который вы такъ необыкновенно и благородно ощущаете, а не слышите ли вы запаха колоссальной лжи? Правда въ Европѣ давно умерла — вы не знаете? — и трупъ ея разлагается, это

и есть запахъ лжи. И трупами пахнутъ только страны, а ложью? — о, отъ полюса и до полюса стоитъ ея смрадная вонь. Почему вы не слышите этого запаха? Почему вы не замѣтили, профессора и гуманисты, какъ умерла ваша истощенная культура и продолжаете держать ея трупъ, разлагающійся и зловонный? Или въ Европѣ никого не осталось, кромѣ мошенниковъ и глупцовъ? Нѣтъ, я не злодѣй и не убійца. Убиваютъ только живое, мучаютъ только невинное. Я — могильщикъ для старой Европы, я хороню ея трупъ, и міръ, — да, сударь, міръ! — спасаю отъ ея зловонія. И если мои профессора, начитавшіеся Шекспира, — котораго я и самъ люблю! очень! — еще стремятся быть гамлетовскими могильщиками и что-то болтаютъ о черепѣ Іорика; если мои демократы еще немного . . . цирлихъ-манирлихъ, вы понимаете? — и золотятъ каждую пулю братствомъ и Марксомъ, то я, Вильгельмъ Второй и Великій, прямъ и откровененъ,

какъ сама смерть. Я — великій могильщикъ, сударь. Я милліонно-сильный плугъ для мертвецовъ, который бороздитъ землю. И когда эти глубокія, чистыя и прекрасныя борозды покроютъ всю Европу, вы сами, профессоръ, назовете меня великимъ!

— А безсонница?

— Вы опять о безсонницѣ? А мой трудъ? Забудьте о моихъ усахъ и скажите по чести: есть ли еще въ Европѣ человѣкъ, который могъ бы вмѣстить и преодолѣть столько, сколько я, германскій императоръ? Сколько враговъ у Германіи, вы знаете? А она одна — одна во всемъ мірѣ. Одна и побѣждаетъ. Какое изъ государствъ древняго и новаго міра могло бы выдержать такую борьбу: одного со всѣми, кромѣ Германіи? А Германія — это я. О, какъ бы я былъ счастливъ, профессоръ, на вашемъ мѣстѣ: вы видѣли Вильгельма въ этотъ роковой часъ, вы слышали его! За это можно заплатить не только свободой, но и . . . жизнью.

— Манія величія?

— Да. Всякій нѣмецъ, начиная съ меня, имѣетъ право на манію величія. Вы — нѣтъ, для васъ пусть останутся остальныя болѣзни, вы согласны?

Вильгельмъ засмѣялся и даже похлопалъ слегка плѣнника по плечу, мелькомъ взглянувъ на револьверъ, который лежалъ на кругломъ столѣ, недалеко отъ профессора. Это былъ заряженный револьверъ самого Вильгельма, кѣмъ-то глупо положенный и забытый на столѣ. И продолжалъ, смѣясь:

— Не правда ли, какая интересная ночь? Это, пожалуй, лучше вашей кафедры, профессоръ! Этихъ деревянныхъ подмостковъ для актеровъ гумманости такъ много въ Европѣ... но вотъ странное, очень странное обстоятельство, профессоръ . . . не объясните ли вы? Я самъ проходилъ курсъ университета и знаю, что всѣ профессора учатъ разуму, справедливости, праву, добру, красотѣ и такъ далѣе. Всѣ! и еще ни одинъ не училъ злу

и канальству. Но отчего же всѣ ваши ученики — такіе ужасные мошенники и лжецы? Вы ихъ не такъ учите, или они не такъ записываютъ въ тетрадки?

— А чему они научили васъ? Я хотѣлъ бы видѣть ваши тетрадки.

Императоръ засмѣялся:

— Прекрасныя тетрадки, профессоръ; моя жена ими гордится. Меня они научили — не вѣрить имъ. Развѣ вы сами вѣрите актеру или плачете, слушая граммофонъ? Это роли, профессоръ, только роли въ устахъ бездарныхъ лицедѣевъ, и даже чернь уже начинаетъ посвистывать имъ. Вотъ вы играете роль доктора правъ — я не ошибаюсь? — но кто же, не сойдя съ ума, повѣритъ вамъ, что вы дѣйствительно — докторъ правъ! Теперь вы въ новой роли: вы перегримировались, и на васъ мундиръ бельгійскаго солдата, но... Вильгельмъ быстро взглянулъ на револьверъ — но не скажу, чтобы и здѣсь вы об-

наружили особый талантъ. Вамъ не хватаетъ простоты и уѣдительности!

Вильгельмъ засмѣялся и продолжалъ, не въ силахъ справиться съ овладѣвшей имъ странной и тяжелой веселостью, за которой уже стояла тѣнь тоски — онъ зналъ это:

— Вы — докторъ правъ, вы — докторъ правъ — а не хотите ли я открою вамъ важную государственную тайну, касающуюся права? Вы знаете, кто хотѣлъ и кто началъ войну? Я! Вы довольны? Я! Германія и я. Не правда ли, какъ это важно для науки права, для всѣхъ деревянныхъ подмостковъ, въ двѣ ступени, и всѣхъ граммофоновъ?

— Сейчасъ это не важно.

— Нѣтъ, это важно, сударь, но не въ томъ смыслѣ, какъ вы полагаете. Нѣтъ, это очень важно: вѣдь и Страшный Судъ наступитъ для міра не по приглашенію, а въ часъ, свыше назначенный — и назначенный не вами!

Императоръ нахмурился и строго посмотрѣлъ на плѣнника:

— Я объявилъ войну, я хотѣлъ войны, я веду войну. Я и моя молодая Германія. Вы же всѣ — вы только защищаетесь. О, конечно, съ точки зрѣнія вашего права это восхитительно, это дѣлаетъ даже вашихъ интендантовъ святыми и, какъ бы кропиломъ, кропитъ ваши пушки; но есть болѣе цѣнное въ жизни — это сила. Вы — профессоръ; не давайте же вашимъ святошамъ, неучамъ и ханжамъ ставить глупый вопросъ: что выше: сила или право? Вы же знаете, что сила и есть право. Вы революціонеръ и, конечно, демократъ?

— Демократъ.

— Конечно! Скажите же мнѣ, какъ честный человѣкъ, не актеръ: вы уважаете существующіе законы?

— Нѣтъ. Не всѣ.

— Конечно! Вы же не идіотъ, чтобы уважать законъ, который васъ, — невиннаго съ вашей точки зрѣнія, — приговорилъ къ смертной казни! Или уважать законъ противъ

стачекъ! Или уважать законы о кражѣ, разъ сама собственность есть кража. Гдѣ же ваше уваженіе къ праву, г. докторъ правъ?

— Существующіе законы не есть выраженіе права.

— О, конечно: для васъ! Ибо существующіе законы — это только воля сильнаго, навязанная вамъ, сильнаго, съ которымъ вы боретесь. Когда вы побѣдите и станете сильны, вы напишите свои законы; и они также будутъ недурны, но кто-то все же останется ими недоволенъ и будетъ увѣрять съ бомбою въ рукахъ, что страна истиннаго права лежитъ дальше. Не такъ ли? Почему же я не могу дать Европѣ своихъ законовъ, разъ сила за мною? Кодексъ Вильгельма Великаго — это будетъ звучать съ кафедры ничуть не хуже и не менѣе правомѣрно, чѣмъ кодексъ Наполеона. Вашимъ ученикамъ придется завести новыя тетрадки, г. профессоръ!

— А вы увѣрены, что сила за вами?

— Это разумный, наконецъ, вопросъ, на

который я съ охотой отвѣчаю. Не угодно ли еще сигару, г. профессоръ?

— Благодарю.

— Пожалуйста! Сигары не дурны. Какъ это называется: когда императоръ, названный въ глаза почти злодѣемъ, вѣжливо предлагаетъ сигару революціонеру и плѣнному, только что стрѣлявшему, и революціонеръ вѣжливо благодаритъ? Кажется, культура? — императоръ засмѣялся и снова быстро взглянулъ на револьверъ. — Я шучу, курите спокойно, мнѣ просто хочется, чтобы вы не заснули и похвалили мои сигары. Да, сила за мною потому, что я объявилъ и хотѣлъ и началъ войну. А хотѣлъ я потому войны и не могъ ея не хотѣть, что у единаго изъ всѣхъ государствъ, у Германіи, есть двигающая ее идея. Идея, вы понимаете? Народъ безъ идеи — мертвое тѣло, вы это знаете?

— Это давно сказалъ нашъ писатель Достоевскій.

— Не знаю, не слыхалъ . . . У всѣхъ у

васъ были пушки и солдаты и военныя министерства — почему же вы не нападали? Не хотѣли проливать крови? Неправда. Вы нападали, но на слабѣйшаго: французы на арабовъ, англичане на буровъ, вы на японцевъ, итальянцы на турокъ . . . впрочемъ, вы тогда ошиблись съ японцами. Кажется почтенные бельгійцы ни на кого не нападали, но за то для всѣхъ дѣлали револьверы. Почему же вы не напали на Германію? Потому что для нападенія на Германію нужна идея, а для тѣхъ достаточно простого аппетита, желанія плотнѣе пообѣдать. Но я помѣшалъ вашему обѣду: я самъ хочу скушать кушающихъ. У Германіи львиное сердце — и львиный аппетитъ!

Императоръ засмѣялся и благосклонно посмотрѣлъ на плѣннаго. Онъ зналъ, что отъ безсонницы его глаза блестятъ особымъ яркимъ царственнымъ блескомъ, и ему хотѣлось, чтобы русскій замѣтилъ это. Кажется, русскій замѣтилъ.

— Вы дворянинъ? — спросилъ императоръ

и, не ожидая отвѣта, продолжалъ: война съ Германіей! Для этого недостаточно сотни инвалидовъ, наемниковъ и марширующихъ скверно мальчишекъ. Войну съ Германіей можетъ вести только народъ, весь народъ, дѣти, старики и старухи — а какой изъ народовъ растлѣнной Европы способенъ къ этому? Какому изъ народовъ подъ силу такой взрывъ энергіи, такая смѣлость? Объявить войну — это объявить бурю, сударь, взволновать океаны, небо и землю! Объявить войну — это самого себя гордо бросить на вѣсы божественнаго правосудія, это ничего не бояться: ни анархіи, ни смерти, ни совѣсти, ни Бога. И я — объявилъ войну! Я нападаю! Я — Вильгельмъ Второй и Великій, львиное сердце молодой Германіи!

Онъ гордо выпрямилъ грудь и продолжалъ, усиленно блестя глазами:

— Гдѣ идея Франціи? Гдѣ идея Англіи? Они только защищаютъ бывшее, они хотѣли только покоя и тихой сытости, мира торгашей

и мошенниковъ. Теперь даже карманные воры возмущаются Вильгельмомъ: онъ помѣшалъ имъ трудиться! Что защищаетъ ваша Франція? Идеи 93-го года? Красоту и свободу? Нѣтъ, сударь, — она защищаетъ свои сберегательныя кассы, своихъ всемірныхъ ростовщиковъ и потаскушекъ, свое священное право — остроумно и блестяще вырождаться. Вы, русскіе революціонеры, упрекаете меня, что я моимъ вліяніемъ подавилъ вашу крохотную и слѣпую революцію, неврастеническій порывъ къ свободѣ, но я — бережливый нѣмецъ, я давалъ только совѣты — Вильгельмъ засмѣялся — а деньги для вашихъ висѣлицъ дала Франція! Защищайте же ее, защищайте — и когда вамъ удастся отстоять эту ссудную кассу, она снова настроитъ вамъ эшафотовъ, она не забудетъ васъ своей благодарностью! Но я этого не дамъ. Вотъ мой планъ — хотите послушать? Береговую Францію я возьму себѣ, остальное объявлю нейтральнымъ . . . вы знаете, что значитъ ней-

тральное государство? Это блюдо, которое еще на кухнѣ, пока здѣсь накрываютъ столъ. Я съѣмъ ее впослѣдствіи, когда она достаточно упрѣетъ. И не бойтесь — я сохраню вашъ Парижъ. Вѣдь существуетъ же Монте-Карло? — отчего же не быть и Парижу, вольному городу кокотокъ, нерожающихъ женщинъ, декадентовъ и бездѣльниковъ со всего свѣта. Это будетъ великій городъ остроумныхъ наслажденій, половыхъ экстазовъ и болтовни объ искусствѣ; въ немъ соберутся евнухи обоего пола, и я самъ буду охранять его! Самъ! Пусть, какъ вата въ ранѣ впитываетъ весь гной и мерзость разложенія, пусть существуютъ . . . пока не прійдетъ мрачный русскій анархистъ и не взорветъ все это къ черту!

Голосъ Вильгельма снова сталъ крикливымъ и раздраженнымъ:

— Народъ, въ которомъ женщины отказываются рожать и мущины не хотятъ производить — не долженъ существовать! Евнухи

хороши для сераля, но гдѣ вы видали націю евнуховъ, государство кокотокъ? У меня восемь сыновей, и я горжусь этимъ, и я жму руку всякому честному нѣмцу, который днемъ дѣлаетъ ружья и пушки, а ночью молодцовъ-солдатъ! И чѣмъ была бы ваша жалкая Россія, если бы вы не рожали такъ упорно и не создали тѣхъ вашихъ массъ, народной брони, которую пока еще не могутъ пробить и мои 42!

Плѣнный утомленно и нехотя возразилъ:

— Но и у васъ въ Германіи начинаютъ принимать мѣры противъ излишка рожденій...

— Это не Германія! — вспылилъ Вильгельмъ и покраснѣлъ. — У меня во всей Германіи до войны не было ни одной вши — ни одной вши, сударь! — но ваши солдаты нанесли ихъ. Развѣ эти вши — Германія? И я потому и тороплюсь уничтожить Францію, что ея »идеи» безнаказаннаго распутства, ея отвратительная зараза ложится и на мой свѣжій и сильный народъ. Изли-

шекъ рожденій! — простите, профессоръ, но это глупо, васъ кто-то поймалъ на удочку, профессоръ. У васъ есть дѣти?

— Четверо. Я пока не защищаю Францію. Но въ чемъ же идея Германіи?

— Въ томъ, чтобы стать великой Германіей.

— Этого хочетъ всякій народъ.

— Неправда! Объ этомъ кричатъ только ораторы, профессора и газетчики, пока народъ спитъ. Но когда всякій человѣкъ въ народѣ — понимаете, всякій! — начинаетъ хотѣть и стремиться къ величію, когда благородная страсть къ господству становится преобладающей страстью для стариковъ и дѣтей, когда всякая личная воля устремляется къ единому центру и всѣ мозги мыслятъ объ одномъ, — тогда безплодная мечта фантазеровъ становится народною идеей! Германія хочетъ быть великой — вотъ ея идея, сударь! И здѣсь ея сила, передъ которой вы дрожите!

— Господство для господства? Этого мало.

Вильгельмъ внимательно посмотрѣлъ на плѣннаго, на револьверъ — и усмѣхнулся.

— Если вамъ этого мало, то есть и еще нѣчто, профессоръ. Что вы скажете объ идеѣ возрожденія? Что вы думаете о такой вещи, профессоръ, какъ . . . возвратъ къ варварству?

— Это шутка или иронія?

— Такая же шутка, какъ запахъ крови и труповъ, который вы ощущаете съ достаточной и даже излишней, кажется, серьезностью. Нѣтъ, я не шучу. Развѣ вы не знаете, что я — германецъ? Варваръ? О, да. Тотъ самый германецъ, который еще въ тевтобургскомъ лѣсу колотилъ культурныхъ римлянъ. Съ тѣхъ поръ мы кое-чему научились у латинянъ, но въ то же время набрались и латинскихъ вшей — намъ надо хорошенько вымыться, хорошенько, сударь!

— Въ крови?

— Если вы такъ любите эффектныя выраженія, то — въ крови. Развѣ вамъ неиз-

вѣзтно, что она моетъ лучше всякаго мыла? Я—варваръ, я—представитель молодой и сильной расы, мнѣ ненавистны старческія морщины вашей дряхлой, изжившей себя, безсильно лживой Европы. Зачѣмъ она лжетъ? Зачѣмъ она не умираетъ, какъ и ваша Сара Бернаръ, и продолжаетъ кривляться на подмосткахъ? Въ могилу, въ могилу! Вы съѣли слишкомъ много, чтобы переварить, вы полны историческихъ противорѣчій, вы — просто абсурдъ! Умирайте, — и я буду вашимъ наслѣдникомъ: кое-что у васъ есть. Оставьте мнѣ ваши музеи и библіотеки: мои ученые разберутся въ этомъ хламѣ и, можетъ быть, кое-что оставятъ, — но если они выкинутъ даже все, я только порадуюсь. Мнѣ не нужно наслѣдства, на которомъ слишкомъ много долговъ! Въ могилу! Въ могилу!

IV

— Вы ошибаетесь — сказалъ плѣнный. — Васъ побьютъ.

— Кто?

— Сила не за вами. Вы погибнете.

Вильгельмъ молчалъ. Затѣмъ сказалъ холодно и сурово:

— Мнѣ стыдно за васъ, сударь. Вы говорите о голодѣ, которымъ хотятъ побѣдить Германію? Вы вспомнили о нашихъ сухихъ коркахъ хлѣба, о которыхъ кричитъ сейчасъ вся счастливая Европа, вычисляя день, когда намъ нечего будетъ ѣсть? Стыдитесь! Я краснѣю, когда читаю статьи въ вашихъ газетахъ. Вамъ слѣдовало бы отвернуться, какъ сдѣлалъ Іафетъ, а вы подслушиваете у дверей Германіи, о чемъ говорятъ ея хозяйки,

и смѣетесь надъ ихъ благородной разсчетливостью, какъ расточительные лакеи. Я весьма мало склоненъ къ чувствительности, сударь, но я плачу, я, императоръ, плачу, когда думаю о германскихъ женщинахъ и дѣтяхъ; и когда предатели англичане съ высоты своихъ кафедръ вычисляютъ, сколько молока въ груди нашихъ молодыхъ матерей и надолго ли его хватитъ, и скоро ли начнутъ умирать наши младенцы, — я плачу отъ гордости за мой великій народъ. Но пусть не торжествуютъ англичане! Грудь матери Германіи неистощима! И когда не останется молока въ груди женщинъ — волчицы изъ лѣсовъ будутъ кормить младенцевъ, какъ Ромула и Рема.

Плѣнный, покраснѣвъ слегка, возразилъ:

— Но я не о хлѣбѣ. Чѣмъ вы можете объяснить то огромное сопротивленіе, которое вамъ оказано? Вы на него разсчитывали?

Императоръ молчалъ. Плѣнному показалось, что онъ нѣсколько поблѣднѣлъ.

— Или оно не кажется вамъ такимъ большимъ?

Вильгельмъ пожалъ плечами:

— Инстинктъ самосохраненія!

— И только?

— Что же еще? Они защищаются. Правда, я буду съ вами откровененъ: я не ожидалъ такого упорства со стороны . . .

— Трупа?

Вильгельмъ снова пожалъ плечами: — Да, трупа, если хотите. Мертвецъ тяжелѣе, нежели я думалъ и требуетъ для себя болѣе просторной могилы. Но развѣ я ее не рою? Послушайте голоса моихъ могильщиковъ, они звучатъ достаточно . . . серіозно.

Гулъ дальней канонады переходилъ въ ревъ, непрерывный и тяжкій. То ли снова разгоралось сраженіе, то ли перевернувшійся вѣтеръ полнѣе доносилъ звуки, но вся та сторона, гдѣ находился Западъ, волновалась звуками, гудѣла, грохотала и выла. Какъ будто тамъ, гдѣ находился Западъ, конча-

лось все человѣческое и открывался невѣдомый гигантскій водопадъ, низвергавшій въ пучину тяжкія массы воды, камней, желѣза, бросавшій въ бездну людей, города и народы.

— Вы слышите моихъ могильщиковъ? — повторилъ Вильгельмъ строго.

Поблѣднѣвшій русскій тихо отвѣтилъ:

— Мнѣ кажется, что мы плывемъ . . . и это Ніагара. Туда все падаетъ.

Императоръ засмѣялся:

— Нѣтъ, это не водопадъ. Это ревутъ мои желѣзныя стада! Неправда ли, какъ страшенъ ихъ голосъ? А я — пастухъ, и въ моей рукѣ бичъ, и я нагоню ихъ еще больше, еще больше! Вы слышите? И я заставлю ихъ ревѣть адскими голосами . . . ахъ, они еще недостаточно яростны. Развѣ это ярость? Пфуй! Надо ревѣть такъ, чтобы весь земной шаръ задрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, чтобы тамъ, — онъ поднялъ руку — тамъ, на Марсѣ, услышали меня, великаго могильщика Европы! Въ могилу! Въ могилу!

Крѣпко и надменно сжавъ губы, словно забывъ, что онъ не одинъ Вильгельмъ молча заходилъ по комнатѣ. Грудь его была выпячена впередъ, рука заложена за бортъ, голова закинута, шаги отчетливы и точны — онъ маршировалъ, онъ мѣрялъ землю и каждымъ шагомъ утверждалъ свою цезарскую власть надъ поверженнымъ міромъ. И глаза его были восторженны и безумны.

Русскій сказалъ:

— Вы страшный человѣкъ.

— Вы понимаете? — отрывисто и не глядя бросилъ Вильгельмъ. Онъ едва ли понялъ смыслъ сказанныхъ словъ, и они прозвучали для его сердца широко, радостно и отдаленно, какъ голосъ признанія, какъ робкая дань мірового восторга и преклоненія. И снова ослѣпительнымъ видѣніемъ встала передъ нимъ свѣтящаяся лѣстница Іакова и на послѣдней, на самой верхней тающей ступени ея — онъ, Вильгельмъ, императоръ германскій и всего міра. А подъ нимъ — герман-

скій народъ — безчисленный, прекрасный, блистающій мечами и касками, грозный и властительный. До крайнихъ предѣловъ взора волнуется его царственная нива, гдѣ каждый колосъ — блестящій штыкъ солдата, и теряется смутно въ синемъ дыму океановъ, въ золотѣ и зелени тучныхъ острововъ и еще невѣдомыхъ странъ, полныхъ манящаго очарованія. И грозно блистающее солнце, какъ міровая корона, прямо надъ его головою.

Боясь неосторожнымъ движеніемъ спугнуть мечту, щурясь отъ блеска свѣчей, почти ощупью, Вильгельмъ добрался до глубокаго кресла и сѣлъ. И сидѣлъ долго, не шевелясь, почти не дыша, съ закрытыми, но будто видящими глазами. Глубокая задумчивость, похожая на сонъ, овладѣла имъ, и, какъ сонъ, мягко тянула его въ плывущую глубь неясныхъ образовъ, свѣтлыхъ и величественныхъ отраженій, подобныхъ игрѣ солнца на колеблющейся водѣ. Замиралъ слухъ. Грозная канонада сперва стала не громче тиканья-

нья часового маятника — прервалась молчаніемъ — и окончательно стихла въ нѣмотѣ высокихъ, плывущихъ, свѣтлыхъ и величественныхъ призраковъ.

Вдругъ легкая судорога пробѣжала по тѣлу: Безшумно и быстро, точно подъ сильнымъ порывомъ теплаго вѣтра, забѣгали, заметались и растаяли свѣтлые призраки и глубокимъ спокойствіемъ звѣзднаго неба и безграничной глади морскихъ водъ одѣлась душа, отдыхая. Будто ясною ночью на своемъ желѣзномъ крейсерѣ онъ безшумно рѣжетъ податливую и глубокую воду. И ровный стукъ машины, и быстрое вращеніе винта, и осторожное прикосновеніе пѣнистыхъ волнъ къ скользкимъ стальнымъ бортамъ — все сливается, въ одинъ ритмичный звукъ, подобный біенію его собственнаго сердца, перестаетъ быть звукомъ, становится дыханіемъ. Теперь онъ самъ — желѣзо сталь и пушки корабля; теперь онъ самъ — его раскаленные горна, его могучіе рычаги, его сильно и

крѣпко вращающійся винтъ: теперъ онъ самъ — его острый стальной носъ, властно таранящій воду и пространство. Единое тѣло, единая воля, единая цѣль. Но сколько силы нужно для дыханія, когда вмѣсто сердца милліоносильная машина и ребра скованы изъ стали! . . .

Императоръ уснулъ.

Три — пять минутъ прошло въ молчаніи. На минуту и русскій закрылъ глаза и удобнѣе сложилъ вытянутыя ноги, но сонъ не шелъ къ нему и усталость сдѣлалась, какъ будто, меньше. Вытянувъ шею, съ мѣста, онъ близоруко вглядѣлся въ неподвижное лицо Вильгельма, послушалъ его тяжелое, но ровно сонное дыханіе и улыбнулся. Тихо окликнулъ:

— Государь!

Отвѣта не было. И съ новымъ чувствомъ особеннаго интереса ко всему окружающему, почти дѣтскаго любопытства, плѣнный тихо всталъ и обошелъ комнату. Осторожно за-

глянулъ въ окно, слегка отвернувъ край драпри: внизу было темно и тихо, а за крышей противоположнаго дома стояло искристое зарево недалекаго пожара. Прислушался къ канонадѣ — все то же. Опустилъ, поправилъ занавѣсъ и съ минуту стоялъ передъ огромной, исчерченной, стратегической картой, прибитой къ стѣнѣ; подумалъ: какъ мало я понимаю! Медленно отошелъ къ круглому столу, гдѣ лежалъ заряженный револьверъ, и осторожно, не глядя на спящаго, взялъ его въ руку, заглянулъ въ магазинъ: да, заряженъ. Какъ глупо и неосторожно!

Держа револьверъ обѣими руками, низко склонивъ надъ нимъ голову, точно всматриваясь въ самую тайну его содержимаго, русскій съ минуту стоялъ въ полной неподвижности и что-то сосредоточенно и глубоко думалъ; ни одинъ волосъ, ни одна складка не шевельнулись за это время. Потомъ такъ же осторожно и тихо положилъ револьверъ

на прежнее мѣсто — и только тогда взглянулъ на императора.

Императоръ спалъ.

Слишкомъ серіозный, чтобы улыбнуться или даже пожать плечами, плѣнный вернулся на свое мѣсто, сѣлъ и еще разъ оглядѣлъ комнату. Теперь она была новая и другая и тяжелый ревъ орудій за стѣной вдругъ потерялъ весь свой грозный зловѣщій смыслъ: не вѣрилось, что тамъ стрѣляютъ не холостыми патронами, а настоящими, и убиваютъ. Но усталость у плѣннаго совсѣмъ прошла, уже больше не дрожали ни руки, ни ноги, и голосъ былъ громокъ, спокоенъ и твердъ, когда онъ вторично окликнулъ Вильгельма:

— Послушайте! . . . Проснитесь. Государь!

Вильгельмъ открылъ глаза, ничего не понимая. Но вдругъ все понялъ и съ сильно

забившимся сердцемъ вскочилъ на ноги. Русскій также всталъ невольно и привычнымъ жестомъ солдата опустилъ руки по швамъ и составилъ ноги.

V

Вопросы императора были отрывисты и рѣзки:

— Я заснулъ?

— Да.

— Долго я спалъ?

— Минутъ восемь или десять. Можетъ быть больше.

— Вы вставали?

— Вставалъ.

— Ходили?

— Ходилъ.

— Какъ вы смѣли!

— Я окликалъ васъ, но вы не слыхали.

— Вы должны были позвать другихъ!

— Я не хотѣлъ, чтобы они увидѣли это.

Онъ спокойно показалъ глазами на ре-

вольверъ. Вильгельмъ быстро взглянулъ туда же и повторилъ:

— Да. Это. Пожалуй, вы правы. Да. Это. Садитесь. Вы брали это въ руку? Онъ не такъ лежалъ.

— Да, бралъ.

— И положили обратно? Благодарю васъ. Отчего вы не садитесь? Садитесь, пожалуйста. И, конечно, вы теперъ свободны, понимаете? — можете идти куда угодно. Я даже не беру съ васъ слова, что вы не будете снова драться со мною. Деритесь!

— Благодарю васъ. Я буду драться.

Вильгельмъ вѣжливо наклонилъ голову:

— Я искренне сожалѣю объ этомъ, г. профессоръ. Вы — благородный человѣкъ. Моя жена узнаетъ объ этой ночи.

Русскій также вѣжливо поклонился. Вильгельмъ благосклонно взглянулъ на его блѣдное, черезчуръ скромное, черезчуръ ученое лицо и добавилъ:

— Но Германія объ этомъ не узнаетъ. Ей

совсѣмъ не надо знать, что ея императоръ въ теченіи десяти минутъ былъ ... обыкновеннымъ смертнымъ человѣкомъ, не такъ ли? Я позвоню. Мнѣ хочется видѣть теперь кого-нибудь изъ своихъ, вы понимаете?

Когда вошелъ адьютантъ, императоръ, покраснѣвъ отъ гнѣва, долго мѣрялъ его сверкающими глазами — и крикнулъ такъ громко, что вздрогнули оба, и адьютантъ и плѣнный:

— Вина!

И еще долго и молча сердился, краснѣя, пока старый и невинный камердинеръ, личный слуга императора, не внесъ новой бутылки шампанскаго; но и его окинулъ тѣмъ же гнѣвнымъ взоромъ и также громко крикнулъ:

— Ну? Вонъ, — живѣе! — и весело разсмѣялся, показавъ глазами на испуганную согнутую спину старика: вы видите какіе они. Ничего не понимаютъ! Берите сигару и курите. Пусть это будетъ наша трубка мира.

— Или перемирія? — улыбнулся русскій.

— Тоже превосходная вещь! — рѣшительно отвѣтилъ императоръ, дымя сигарой. — Курите. Надо дать отдыхъ нервной системѣ. Старикъ Гинденбургъ говоритъ, что эту войну выдержитъ тотъ, у кого нервы крѣпче! Silence!

Нѣсколько минутъ оба молча курили. И только теперь, когда человѣческій голосъ, всегда чужой и тревожный, не нарушалъ тишины глухой комнаты, почувствовалъ императоръ все блаженство возвращенной жизни. Мысли были смутны и бѣжали гдѣ то по верху, какъ облака въ солнечный день, а все тѣло радовалось до томленія, до желанія смѣяться и пѣть. Съ чувствомъ необыкновеннаго удовольствія Вильгельмъ осмотрѣлъ комнату, благосклонно остановилъ взоръ на плѣнномъ, добродушно оцѣнивая его, какъ очень милаго человѣка, и сосредоточилъ вниманіе на стратегической картѣ. Отъ нея вѣяло просторомъ и свѣжестью,

какъ отъ весенняго дня, зовущаго на дальнюю прогулку; ея путанныя линіи и условныя слабыя краски, ея еле видимыя мелкія названія преображались въ лѣса и горы. въ широкія рѣки, надъ которыми перекинуты мосты, въ тысячи городовъ и селеній, полныхъ шумнаго и торопливаго движенія.

· Гдѣ то за дверью смѣняли караулъ. Приглушенный шопотъ команды, осторожный, но размѣренный и точный топотъ подкованныхъ сапогъ, стукъ приклада о деревянный полъ — и снова тишина. Грандъ-отель спалъ. И канонада стихала, удаляясь, или и для дерущихся наступалъ тотъ моментъ непобѣдимаго утомленія, что наступаетъ передъ разсвѣтомъ, когда безвольно цѣпенѣютъ усталые тѣло и духъ. Какъ большія собаки во снѣ, отрывисто лаяли одинокія орудія. Охваченный радостнымъ безпокойствомъ, Вильгельмъ подошелъ къ окну и отдернулъ драпри. Хотѣлъ открыть окно, но тугая рама не поддавалась усилію слабыхъ рукъ и плѣнный

вѣжливо помогъ, толкнувъ раму ладонью. Въ распахнувшееся окно дохнуло свѣжестью почти лѣтней ночи и запахомъ гари.

— Надо немножко воздуху — сказалъ императоръ, улыбаясь.

— Да, здѣсь очень душно — согласился русскій.

Они оба стояли у окна, Вильгельмъ у самаго подоконника, плѣнный немного сзади. Зарево надъ крышей еще мутно искрилось, и небо было черно; но круглые камни мостовой слегка посвѣтлѣли, — ночь близилась къ концу. И внизу было все также тихо и безмолвно; а по дальнимъ улицамъ ровнымъ гуломъ водопада, никогда не спящаго, грохотали обозы. Вслушавшись, можно было отличить тяжкій придавливающій грохотъ орудій отъ тарахтенья возовъ и кухонь, частое цоканье кавалерійскихъ копытъ и ритмичный, еле слышимый, но могучій въ своей непрерывности топотъ пѣхоты. Влажными, предразсвѣтными гудками пролагали себѣ

путь автомобили. Гдѣ-то въ вышинѣ и далеко гудѣли аэропланы, какъ тугія струны, и весь теплый воздухъ былъ полонъ безсонья и томительныхъ стремленій.

»Къ Парижу!» — подумалъ императоръ, и сердце его застучало ровнѣе и громче, какъ подъ рукой барабанщика. Небольшой звѣздой на картѣ, безъ улицъ и людей, на мгновеніе представился ему міровой городъ, и туда двигался этотъ людской потокъ, увлекая за собою и его душу, жадную, какъ душа варвара, ищущаго завоеваній и добычи. Улыбка сошла съ его поблѣднѣвшаго лица; усы хищно топорщились. »Къ Парижу!» — бормоталъ онъ все громче магическое слово, вздрагивая отъ томительныхъ хищныхъ вожделѣній — и, обернувшись, хотѣлъ что-то громко сказать своему адьютанту, тихо дышавшему за спиною. Но это не былъ адьютантъ, императоръ забылся. Это былъ какой-то бельгійскій солдатъ, плѣнный, чертъ знаетъ что! Лицо Вильгельма исказилось

гримасой, и недоговоренныя слова камнемъ упали въ душу.

— Вы что то хотѣли сказать? — спросилъ русскій.

— Ничего. Закройте окно! — раздраженно приказалъ императоръ, отходя.

Плѣнный исполнилъ приказаніе и спросилъ:

— Прикажете задернуть и драпри?

— Да! — также рѣзко отвѣтилъ Вильгельмъ и нехотя добавилъ: пожалуйста.

Тяжелыя драпри сдвинулись. Стало угрюмо, глухо и душно, и мигающее пламя свѣчей, всколыхнутое свѣжимъ воздухомъ, было непріятно въ своей молчаливой, безтолковой пляскѣ и присѣданіяхъ. Если бы не этотъ русскій, онъ снова открылъ бы окно, и долго и съ наслажденіемъ слушалъ бы энергичный шумъ движущихся вооруженныхъ массъ, остался бы совсѣмъ одинъ, погасилъ свѣчи и слушалъ бы долго, питая душу образами побѣды и величія . . . но

этотъ господинъ! И нельзя просто приказать ему уйти; тѣ десять минутъ, когда онъ держалъ въ своихъ рукахъ жизнь императора и судьбу Европы, даютъ ему какія-то странныя, совсѣмъ особыя права.

— Что же вы не садитесь? Садитесь.

Плѣнный сѣлъ, положивъ ногу на ногу. Вильгельмъ, прищурившись взглянулъ на его рваный сапогъ и спросилъ:

— А скажите, г. профессоръ: вы поступили такъ, съ револьверомъ . . . не изъ трусости? О, конечно, я говорю про моральную трусость, вы понимаете?

— Нѣтъ.

Вильгельмъ подумалъ и съ нѣкоторою торжественностью произнесъ:

— Я вамъ охотно вѣрю. Это было бы слишкомъ глупо и ничтожно, Но догадываетесь ли вы, г. профессоръ и истинный гумманистъ — Вильгельмъ сдѣлалъ свой взглядъ суровымъ и устремилъ его прямо въ глаза плѣнному — но догадываетесь ли

вы, кто именно спасъ меня, императора Германіи? Нѣтъ? Ну, кто удержалъ вашу руку, уже взявшую это? Нѣтъ? Кто. наконецъ, направилъ вашу волю по . . . неисповѣдимому пути?

Плѣнный въ недоумѣніи покачалъ отрицательно головой, а Вильгельмъ всталъ, выпрямился, какъ передъ фронтомъ, и торжественно поднялъ къ потолку лѣвую коротенькую руку:

— Богъ! Вотъ кто спасъ императора Германіи.

И низко, почти театрально, склонилъ голову, какъ бы шепча благодарственную молитву. Русскому надо было встать на время короткой молитвы, но онъ не всталъ, и эта непочтительность не понравилась императору. Медленно опустившись въ кресло, онъ непріязненнымъ взглядомъ окинулъ задумчивое лицо плѣнника и коротко бросилъ:

— Вы атеистъ, конечно?

— Не знаю, нѣтъ.

— А! это искренно. »Не знаю»! Но, допуская существованіе Бога — императоръ иронически шевельнулъ усами — вы никакъ не можете допустить, чтобы Богъ захотѣлъ спасать германскаго императора. Не такъ ли?

Плѣнный подумалъ съ минуту и серіозно отвѣтилъ:

— Также не знаю! Не удивляйтесь. Все мое мышленіе направлено по другому пути и самому мнѣ, конечно, и въ голову бы не пришло то, что вы сказали такъ прямо и съ такою увѣренностью. Богъ! Но когда вы встали и подняли руку къ небу, мнѣ вдругъ показалось это . . . очень серіознымъ. Вы позволите мнѣ быть немного рѣзкимъ?

Вильгельмъ рѣшительно отвѣтилъ:

— Можете.

— Я постараюсь не злоупотроблять . . .

— Можете злоупотреблять. То большое зло, котораго вы не сдѣлали, даетъ вамъ право на это маленькое зло. Итакъ?

— Итакъ, прежде я отвѣтилъ бы, что васъ

спасла моя воля. Но за это короткое время войны я узналъ многое, о чемъ не думалъ раньше, и увидѣлъ мою душу въ новомъ свѣтѣ. Да отчего не допустить, что васъ охраняетъ чья-то высшая воля? Очень возможно. Но не думаете ли вы, что это не Богъ, а — Діаволъ?

— Діаволъ?! Вы съ ума сошли.

— Васъ оскорбляетъ это? Но, принимая въ разсчетъ все окружающее, эту неумолкающую канонаду крови, страданій, которыхъ я былъ свидѣтелемъ, этихъ разстрѣлянныхъ заложниковъ . . . я никакъ не могу связать это съ именемъ Бога. Впрочемъ, я не настаиваю; можетъ быть и Богъ, — отчего не допустить и Бога?

Вильгельмъ въ крайнемъ недоумѣніи пожалъ плечами.

— Странно! Очень странно! Вы дѣлаете такую маленькую разницу между тѣмъ и другимъ?

— Точнѣе — никакой. И это второе имя,

Діаволъ, мелькнуло у меня лишь какъ отголосокъ старыхъ и общихъ религіозныхъ представленій: рутина мыслей, вы понимаете? Важно то, что я допустилъ чью то высшую волю. Но я допустилъ ее еще раньше, до вашего возгласа, когда вы еще спали, а въ моей рукѣ былъ револьверъ и возможность мгновенно измѣнить весь ходъ событій. Но я подумалъ: какое право имѣю я мѣнять ходъ всѣхъ событій? И еще тогда мнѣ стало ясно, что этого права у меня нѣтъ и быть не можетъ, что мое назначеніе въ войнѣ твердо ограничено тѣмъ мѣстомъ, которое я занимаю, и не можетъ быть инымъ. Какъ солдатъ, я долженъ сражаться храбро, быть стойкимъ, убить столько-то вашихъ солдатъ и быть убитымъ самому, это мое право и обязанность, но не дальше того. Иначе — дикая чепуха и невѣрное рѣшеніе задачи!

Вильгельмъ пренебрежительно пожалъ плечами:

— Восточный фатализмъ?

— Нѣтъ, просто знаніе своего мѣста въ процессѣ и разумное чувство мѣры. Для правильнаго рѣшенія небывалой проблемы, поставленной передъ міромъ, каждая цифра должна значить то, что она значитъ, и твердо занимать свое мѣсто въ опредѣленномъ ряду. Я ясно почувствовалъ это еще давно, еще въ тотъ день, когда сказалъ себѣ: т е п е р ь я долженъ быть бельгійскимъ волонтеромъ и драться съ пруссаками. И больше ничего: быть волонтеромь и бить прусскаковъ.

Лицо Вильгельма выражало нетерпѣніе. При послѣднихъ словахъ плѣннаго, онъ вскочилъ съ мѣстѣ и яростно заходилъ по комнатѣ, бросая гнѣвныя фразы:

— Бить пруссаковъ! Такъ они говорятъ. Волонтеры! Жалкіе комбатанты, только раздражающіе моихъ храбрыхъ солдатъ! Или вы не понимаете, сударь, что вашимъ благороднымъ участіемъ вы усиливаете сопротивленіе этого маленькаго коммерческаго народа, который иначе давно уже призналъ

бы мою волю. Это вы и вамъ подобные слѣпцы принуждаете меня стереть его съ лица земли! Гдѣ ваша Бельгія, которой вы такъ храбро помогали? Я разрушаю ея послѣдніе камни. Бить пруссаковъ! Вы слышите ревъ впереди насъ? Пока мы болтаемъ, мои молодцы движутся къ Парижу — къ Парижу, сударь! — черезъ двѣ недѣли всѣ вы будете сметены въ море; какъ соръ!

— Можетъ быть. Но когда происходитъ взрывъ, частицы окружающей матеріи должны оказывать сопротивленіе расширяющемуся газу. Иначе взрыва не будетъ, вы понимаете? И чѣмъ плотнѣе матерія, чѣмъ крѣпче ея сопротивленіе, тѣмъ яростнѣе взрывъ. И я — я только частица матеріи, оказывающая сопротивленіе. Въ этомъ мой долгъ.

Вильгельмъ внимательно взглянулъ на блѣдное серіозное лицо плѣнника и воскликнулъ полушутливо, съ казарменной рѣзкостью:

— Тысячу чертей въ эту русскую голову,

я ничего не понимаю! Частица матеріи, оказывающая сопротивленіе. Сопротивляться, чтобы вѣрнѣе погибнуть! Увѣряю васъ, г. русскій, что никто изъ вашихъ товарищей по фронту не думаетъ, какъ вы. Быть можетъ, они просто глупы, но они хотятъ побѣдить, а не гибнуть . . . для правильнаго рѣшенія задачи. Вы смѣшали пулеметъ съ кафедрой, г. профессоръ, это просто нелѣпо!

Русскій отвѣтилъ:

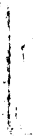
— Почему вы думаете, что я не хочу побѣды? Нѣтъ, я также хочу побѣдить, иначе я былъ бы плохимъ солдатомъ и измѣнилъ моему цифровому значенію. Я уже сказалъ вамъ: васъ побѣдятъ!

Вильгельмъ надменно выпрямился.

— Кто?

— Частицы матеріи, оказывающія сопротивленіе. Волонтеры и жалкіе комбатанты. Женщины и дѣти. Воздухъ, люди, камни, бревна и песокъ, все, что вашимъ взрывомъ

брошено кверху — и оттуда свалится на вашу голову. Вы погибнете подъ обломками и ваша гибель неизбѣжна!



Написано въ началѣ 1915 года.